

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА НЕОКОНЧЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ЛИТВИНОВ Алексей Николаевич - доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологи Харьковского национального университета внутренних дел

НАЗЫМКО Егор Сергеевич - кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, начальник адъюнктуры (аспирантуры) Донецкого юридического института МВД Украины

Статья посвящена компаративістському дослідженню особливостей кримінально-правової регламентації призначення покарання за незакінчений злочин. Проаналізовано положення кримінального законодавства Республіки Польща, Швейцарської Конфедерації, Сполученого Королівства Великої Британії та Північної Ірландії, Сполучених Штатів Америки, Федеративної Республіки Німеччина, Французької Республіки, Королівства Іспанія.

Ключевые слова: уголовно-правовая регламентация, неоконченное преступление, приготовление, покушение, наказание, смягчение.

Сравнительное правоведение в сфере уголовного права в последнее время приобретает все большую актуальность. Данная тенденция обусловлена многими причинами и, главным образом, возможностью обогатить национальную уголовно-правовую доктрину новыми знаниями, расширить круг вопросов, касающихся институтов уголовного-правовой науки, в частности, институтов неоконченного преступления и назначения наказания.

В данной статье будут рассмотрены особенности уголовно-правовой регламентации назначения наказания за неоконченное преступление по законодательству стран так называемого «дальнего зарубежья». Это обусловлено тем, что уголовное законодательство данных государств имеет общую историческую основу, базирующуюся на романо-германском и англосаксонском праве. Тогда как уголовное

законодательство стран СНГ, в том числе и Украины, базируется на русском праве. Отсюда и различие в теоретических предпосылках. Для русскоязычного права характерно уделение большего внимания теории [1, с. 3], тогда как запад предпочитает отдавать решение теоретических вопросов «на откуп» судебной практике, а в основном – доктрине. Но и там его можно обнаружить далеко не всегда [2, с. 205].

Западное уголовное право не акцентирует внимание на понятийном аппарате, больше концентрируясь на непосредственно вопросах применения наказания. Выделив данный аспект, перейдем к непосредственному рассмотрению уголовного законодательства некоторых западных стран в области правовой регламентации предварительной преступной деятельности и назначения наказания за данную деятельность.

Из стран, бывших соседей Украины по социалистическому лагерю, мы выбрали для компаративистского анализа уголовное законодательство Польши. Это обусловлено тем, что, несмотря на социалистическое прошлое и славянские корни, Польша была и остается страной с западным менталитетом, и может служить переходом от анализа законодательства стран ближнего зарубежья к рассмотрению законодательств стран, так называемого, дальнего зарубежья.

Итак, в ст. 16 Уголовного кодекса Польши дается понятие приготовления к пре-

ступлению: «§ 1. Приготовление имеет место только в том случае, когда исполнитель с целью совершения запрещенного деяния предпринимает действия, направленные на создание условий для осуществления мер по непосредственному совершению деяния, в особенности, если вступает с этой целью в сговор с другим лицом, приспосабливает или приспособливает средства, собирает информацию или составляет план действий».

§ 2. Приготовление наказуемо только в том случае, когда соответствующие предписания даются законом» [3, с. 8].

Основным моментом приготовления к преступлению является создание условий для совершения преступления. В сущности, можно было бы ограничиться только такой формулировкой «создание условий для совершения преступлений», отказавшись вообще от какого бы то ни было перечисления вариантов подготовительных действий. По такому пути намеревался, как нам представляется, пойти польский законодатель, который, формулируя норму о приготовлении к преступлению, сразу показывает, в чем заключена его суть: «Приготовление имеет место только в том случае, когда исполнитель с целью совершения запрещенного деяния предпринимает действия, направленные на создание условий для осуществления мер по непосредственному совершению деяния ...». Однако, законодательные формулировки необходимы для того, чтобы ориентировать правоприменителя и более для того, чтобы ограничить его произвол. Именно для достижения главным образом последней цели в определенных случаях возникает необходимость в конкретных образцах для дальнейшего правоприменения.

Понятие покушения на преступление дается в ст. 13 Уголовного кодекса Польши: «§ 1. Ответственности за покушение на запрещенное деяние подлежит лицо, которое с умыслом совершения такого деяния всем своим поведением стремится его воплотить, однако совершение преступления не наступает; § 2. Покушение имеет место также в том случае, когда лицо, задумавшее деяние, не отдает себе отчета в том,

что совершение невозможно ввиду отсутствия объекта, годного для совершения в отношении его запрещенного деяния или вследствие использования средства непригодного для совершения запрещенного деяния» [3, с. 8].

Как видно, польский законодатель определяет помимо самого покушения понятие негодного покушения.

В Уголовном кодексе Польши вопросы назначения наказания регламентированы следующим образом: суд назначает наказание за покушение на преступление в пределах санкции, применяемой за данное преступление. В случае, если имеет место такое покушение, когда лицо, задумавшее деяние, не отдает себе отчета в том, что совершение невозможно ввиду отсутствия объекта, годного для совершения в отношении его запрещенного деяния или вследствие использования средства, непригодного для совершения запрещенного деяния, суд может применить чрезвычайное смягчение наказания и даже отказаться от его назначения.

Не подлежит наказанию за покушение и за приготовление на запрещенное деяние лицо, добровольно отказавшееся от совершения или предотвратившее последствие, являющееся признаком состава запрещенного деяния.

Суд может применить чрезвычайное смягчение наказания в отношении лица, добровольно старавшегося предотвратить последствие, являющееся признаком состава запрещенного действия.

Приготовление к преступлению наказуемо только в том случае, когда соответствующие предписания даются законом.

Не подлежит наказанию за приготовление к преступлению лицо, добровольно отказавшееся от него, в особенности, уничтожившее приготовленные средства или предотвратившее их использование в будущем; в случае вступления в сговор с другим лицом с целью совершения запрещенного деяния не подлежит наказанию лицо, которое предприняло значительные усилия, направленные на предотвращение совершения деяния. Таким образом, в Уголовном кодексе Польши не существует кон-

кретных критериев назначения наказания за неоконченные преступления.

Анализ уголовного законодательства Швейцарии представляет интерес с той точки зрения, что данная страна выгодно отличается от других стран тем, что в течении многих столетий последовательно проводит государственный курс нейтралитета, что естественно отражается и на уголовной политике государства. Несмотря на то, что мы анализируем лишь отдельные институты уголовного законодательства, необходимо отметить, что швейцарская государственная политика в целом близка по духу (но, к сожалению, не по факту) политике Украины, стремящейся к стабильным добрососедским отношениям со всеми другими странами.

В Уголовном кодексе Швейцарии во втором разделе «Наказуемость», четвертый параграф называется «Покушение». В нем разграничиваются виды покушения: неоконченное покушение (ст. 21), оконченное покушение (ст. 22), негодное покушение, а также деятельное раскаяние (ст. 22).

Статья 21 Уголовного кодекса Швейцарии дает понятие неоконченного покушения: «Если лицо после того как оно начало совершение преступления или проступка, не доводит свою преступную деятельность до конца, то оно может быть наказано мягче». Статья 22 Уголовного кодекса Швейцарии определяет оконченное покушение: «Если преступная деятельность была доведена до конца, но преступный результат, характеризующий окончание преступления или проступка, не наступил, то лицо может быть наказано мягче», а также деятельное раскаяние: «Если лицо по собственной инициативе содействовало тому, чтобы преступный результат не наступил или предотвратило его наступление, то судья может смягчить наказание по собственному усмотрению».

В статье 23 Уголовного кодекса Швейцарии регламентируется понятие негодного покушения: «Если средство, при помощи которого кто-либо пытается совершить преступление или проступок, либо предмет, против которого оно направлено, обладают такими свойствами, что с их исполь-

зованием или в отношении них преступное деяние вообще не могло бы быть совершено, то судья может смягчить наказание по своему усмотрению. Если лицо действовало по невежеству, то судья вообще может освободить его от наказания» [4, с. 9-10].

За все виды покушений на преступления предусмотрено смягчение наказания, но в каких пределах – не определено. Одной из особенностей Уголовного кодекса Швейцарии является то, что он устанавливает широкие пределы судейского усмотрения, особенно при назначении наказания. В Уголовном кодексе Швейцарии раздел 3 содержит наказания, меры безопасности и другие меры.

Интерес к уголовному законодательству Англии и США обусловлен тем обстоятельством, что указанные страны принадлежат к семье общего права, в которой главное место среди источников уголовного права традиционно отводится судебному прецеденту. К уголовному законодательству Англии, регулирующему вопросы Общей части, можно отнести следующие: Законы об уголовном праве 1967 г. и 1977 г., Закон о полномочиях уголовных судов 1973 г., Закон о магистратских судах 1980 г., Законы об уголовной юстиции 1982 г. и 1991 г., Закон о преступлении (наказания) 1997 г., Закон о полиции 1997 г. и другие акты. При этом следует отметить, что в Англии зачастую нормы материального уголовного права содержатся в законах уголовно-процессуального характера.

Английская уголовно-правовая доктрина и практика выработала множество приемов, которые дают возможность установить уголовную ответственность за приготовительные действия, а в некоторых случаях и за обнаружение умысла [5, с. 25].

Английские суды создали несколько норм об ответственности за отдельные виды предварительной преступной деятельности – подстрекательство, сговор и покушение, которые характеризуются неоконченностью реализации преступного намерения при совершении в этом направлении каких-либо «явных действий». Ни один из них не является стадией совершения преступления. Их объединяет только

то, что они относятся к предварительной преступной деятельности, не причинившей реального вреда. В английском праве понятие предварительной преступной деятельности не связано со стадиями развития преступления. Так, по свидетельству Н. Е. Крыловой, подстрекательство представляет собой склонение другого лица к совершению преступления. При этом преступление может быть не только не совершено, но даже не начаться. Более того, когда стоит вопрос об ответственности за подстрекательство как за самостоятельное преступление, всегда имеется в виду неудавшееся подстрекательство, поскольку подстрекательство, приведшее к своему результату, рассматривается как соучастие и наказывается строже. Уголовная ответственность устанавливается и за покушение на подстрекательство. В Англии подстрекательство наказывается по общему праву: тюремным заключением по усмотрению суда. Однако размер наказания не может превышать размера наказания, предусмотренного за преступление, подстрекательство к которому осуществлялось. Такими же наказаниями карается и покушение на подстрекательство [6, с. 90-91].

Следует отметить, что налицо отсутствие конкретных определений, какие именно действия составляют подстрекательство. Скорее всего, этот вопрос относится к компетенции судей.

Что касается сговора, как одного из видов предварительной преступной деятельности, то он считается преступлением и по общему, и по статутному праву. По общему праву сговором является само соглашение осуществить какое-либо противоправное действие либо правомерное действие неправомерными средствами. Участник преступного сговора подлежит наказанию в силу самого факта соглашения «по усмотрению суда» лишением свободы или штрафом, либо одновременно лишением свободы и штрафом.

По статутному праву преступным является сговор о преступлении. Он не может наказываться более строгим наказанием, чем преступление, на которое он был направлен. В английском праве, также как и

подстрекательство, сговор не является стадией совершения преступления. Уголовная ответственность за сговор наступает независимо от того, было ли в реальности совершено намеченное преступление. Поскольку сами намеченные действия могут оказаться непротивоправными, например, при совершении правомерного действия противоправными средствами, соглашение о таких действиях в некоторых случаях, может не представлять собой стадии совершения преступного деяния [7, с. 92-93].

В п. 1 ч. 1 Закона об уголовно наказуемом покушении 1981 г. содержится дефиниция покушения на преступление. В частности здесь говорится о том, что «если с намерением совершить преступление ... лицо совершает действие, которое является большим, чем просто приготовление к совершению преступления, оно виновно в покушении на совершение преступления. Лицо может быть виновно в покушении совершить преступление ... даже если факты таковы, что совершение преступления невозможно» [8, с. 18].

При толковании объективных признаков покушения на преступление, как действия, являющегося большим, чем просто приготовление к преступлению, в английском праве используется критерий «ближайшего шага». С точки зрения континентального права, данное определение покушения на преступление не совершенно, так как влечет за собой отсутствие единообразия в правоприменительной практике. Из-за нечеткости критерия «ближайшего шага» возникают моменты, когда в одних случаях суды рассматривают приготовление к преступлению как покушение на преступление и определяют наказание за покушение на преступление. В других случаях покушение на преступление рассматривается как приготовление к преступлению и виновный не привлекается к уголовной ответственности [5, с. 32-36].

Определение объективной стороны представляет сложности, в том числе и в теории англо-американского уголовного права. Одной из таких проблем является отграничение действий, образующих покушение на преступление, от простого приго-

товления к преступлению, которое традиционно считается ненаказуемым.

В упомянутом выше Законе об уголовно наказуемом покушении 1981 г. содержится норма и о наказании за покушение на преступление:

«Судебное рассмотрение покушения на преступление (4)-(1) Лицо виновно на основании параграфа 1 данного Закона в покушении на совершение преступления: а) если преступление, на которое было совершено покушение, является убийством или каким-либо другим преступлением, наказание за которое точно определено в законе, подлежит на основании обвинительного акта наказанию в виде пожизненного тюремного заключения; б) если преступление, на которое было совершено покушение, преследуется с обвинительным актом, но не подпадает под действие данного параграфа, подлежит по обвинительному акту наказанию, предусмотренному за совершение указанного преступления; в) если преступление, на которое было совершено покушение, подлежит судебному рассмотрению одним из двух способов, то оно рассматривается в суммарном порядке и наказывается таким же наказанием, которое предусмотрено за совершение указанного преступления» [7, с. 19].

Таким образом, в английском праве покушение на преступление традиционно наказывается как оконченное деяние. В целом, можно сделать вывод о том, что уголовно-правовая доктрина Англии существенно отличается от уголовно-правовой доктрины Украины в вопросах наказания неоконченного преступления.

Система уголовного законодательства США представляется интерес, прежде всего, тем обстоятельством, что представляет собой конгломерат федерального и регионального законодательства. В системе права каждого штата США Уголовный кодекс чаще всего представлен в виде главы или раздела его Свода законов. Так, Уголовный кодекс штата Нью-Йорк – это глава 40, Уголовный кодекс штата Иллинойс – глава 38, а Уголовный кодекс штата Огайо – раздел 29 Свода законов. Специфика государственного устройства США выражается и

в том, что в уголовном законодательстве штатов имеются значительные различия. Существование в одном государстве 53 самостоятельных уголовно-правовых систем осложняет анализ, позволяя сделать лишь общие выводы. В этой связи для характеристики неоконченного преступления в уголовном законодательстве США нами взята за основу часть II раздела 18 Свода законов США «Преступления и уголовный процесс», принятый актом Конгресса 25 июня 1948 г., так как в США нет федерального Уголовного кодекса в его общепринятом понимании. При этом мы учитываем тот факт, что, во-первых, правовые системы США и Англии относятся к одной правовой системе – англосаксонской: «провозглашение независимости в 1776 г. и полное расторжение всякой политической связи Соединенных Штатов Америки с Великобританией не повлекли за собой отказа от действовавшего там английского права» [7, с. 52]. Во-вторых, в отличие от Англии, в США прецедентное право действует наряду со статутным. Необходимо заметить, что таким образом в руках американского правосудия находится довольно обширный инструментарий, что может как облегчить, так и усложнить суду дифференцирование и индивидуализацию наказания. В этом отношении отечественному суду проще избирать вид и размер наказания, которые строго регламентированы в Уголовном кодексе Украины.

В англо-американском праве существуют специфические институты (подстрекательство, сговор), с помощью которых устанавливается ответственность за приготовление к преступлению и даже за еще более ранние этапы предварительной деятельности. Понятие покушения в Уголовных кодексах североамериканских штатов столь широко, что это позволяет включать в него многие приговорительные действия [6, с. 88].

В американском уголовном праве, также как и в английском, выделяют три самостоятельных института: подстрекательство; сговор; покушение.

Ни один из них не представляет собой какой-либо стадии совершения преступле-

ния. Их общей чертой является то, что они относятся к предварительной преступной деятельности, не причинившей реального вреда.

Для наступления уголовной ответственности во всех случаях, кроме сговора, требуется установление их направленности на причинение ущерба охраняемым правом интересам и при этом способом, запрещенным другими правовыми нормами, то есть на совершение другого преступного деяния. Ответственность за сговор может наступать и в том случае, когда целью сговора является совершение деяния, не признанного правом преступным.

Таким образом, в американском праве понятие о предварительной преступной деятельности не связано со стадиями развития преступления, а заключается в трех, выработанных общим правом, самостоятельных категориях преступлений (мисдиминах), которые характеризуются неоконченностью реализации преступного намерения при совершении в этом направлении каких-либо «явных действий».

Уголовное право США воспроизводит нормы английского права об ответственности за подстрекательство. Но в отличие от данного института в Англии, где преступным считается подстрекательство к любому преступлению, в США преступным считается лишь подстрекательство к тяжкому преступлению (фелонии), в отношении подстрекательства к иным преступлениям единого правила и единой судебной практики в США нет.

По Уголовным кодексам большинства штатов, где подстрекательство считается самостоятельным преступлением, наказание за него смягчается на одну степень по сравнению с санкцией за соответствующее преступление, к которому подстрекательство осуществлялось.

Уголовные кодексы многих североамериканских штатов требуют не просто соглашения двух или более лиц, но и совершения одного или нескольких конкретных действий, направленных на реализацию намеченных сговором действий. Наказание за сговор также ограничивается пределами наказания, предусмотренного за соответ-

ствующее оконченное преступление, либо пределы наказания устанавливаются в законе. Новое уголовное законодательство штатов ограничило цели уголовно наказуемого сговора совершением преступления (в отличие от Англии, где наказывается сговор, направленный на совершение правомерного действия неправомерными средствами).

В Уголовных кодексах некоторых штатов содержится законодательная дефиниция покушения на преступление. Например, в соответствии с § 901 Уголовного кодекса штата Пенсильвания, лицо совершит покушение, если с намерением совершить преступление оно совершит какое-либо действие, которое способствует совершению преступления. Негодное покушение не является основанием для защиты от уголовного преследования. К таким основаниям относится добровольный и полный отказ от уголовного намерения, в результате которого лицо избежало совершения преступления, и если простого отказа оказалось недостаточно, то предприняло такие действия, которые предотвратили совершение преступления. В соответствии со ст. 110 Уголовного кодекса штата Нью-Йорк лицо признается виновным в покушении на совершение преступления, если оно осуществляет поведение, которое «способно привести к совершению такого преступления» [8, с. 144].

Покушение на преступление традиционно наказывалось как оконченное деяние. Но в американских штатах на настоящий момент предусматривается обязательное смягчение наказания на одну степень.

В уголовном праве Англии и США для отграничения приготовления к преступлению от покушения на преступление используются следующие концепции: «последнего ближайшего шага» (покушение имеет место, когда лицо сделало все, что, как оно полагало, необходимо для конкретного результата, который будучи достигнутым, составил бы преступление); «опасной близости» (покушение начинается там, где поведение лица становится достаточно опасным и должно быть пресечено); «аморального шага» (покушение – это

такой шаг за определенными пределами, который обычный человек не сделал бы) [5, с. 162-163].

Таким образом, несмотря на противоречивость регламентации неоконченного преступления в законодательстве различных штатов, тем не менее, имеются определенные общие начала понятий покушение на преступление и приготовления к преступлению.

Среди представителей так называемой романо-германской правовой семьи мы выбрали для компаративистского анализа уголовные законодательства Германии, Франции и Испании. Из выделенных стран отличается Германия, федеративная природа источников уголовного права которой характеризуется таким же дуализмом, как и в США. Тем не менее, континентальная правовая система в уголовном праве Германии ярко выражена.

Институт неоконченного преступления регламентируется в Уголовном кодексе Германии, где в § 22 дается следующее определение покушения на преступление: «Покушается на уголовно наказуемое деяние тот, кто по своему представлению о деянии непосредственно начинает осуществлять состав преступления».

Как видно, в основу данной нормы положен субъективный критерий, то есть представление лица об осуществлении преступного деяния. Здесь нет упоминания о причинах, из-за которых преступление не было окончено. Также отсутствует оговорка о том, может ли данное поведение вообще привести к желаемому результату. Поэтому при такой регламентации института неоконченного преступления возникают сложности по разграничению покушения на преступление и приготовления к преступлению.

В § 23 Уголовного кодекса Германии устанавливается наказуемость за покушение на преступление: «Покушение на преступление наказуемо всегда, покушение на проступок – лишь в том случае, если это прямо предусматривается законом. Покушение может наказываться мягче, чем оконченное деяние» [9, с. 17-23]. Из анализа данной нормы следует, что критерии

назначения наказания и вообще вопрос наказуемости покушения на преступление в Уголовном кодексе Германии не получил четкого решения, поэтому по данному вопросу больше полномочий отводится судьям.

В германском уголовном законодательстве отсутствует определение приготовления на преступление, но некоторые действия наказуемы в случаях прямого указания об этом в законе. Ответственность за приготовление к преступлению наступает в двух случаях: во-первых, если приготовительные действия уже сами по себе образуют состав преступления, во-вторых, если нормы Особенной части Уголовного кодекса устанавливают ответственность за приготовление к конкретному деянию. Например, приготовление к государственной измене (§ 83 УК Германии), приготовление к преступным действиям, которые заключаются в выведывании государственной тайны (ч. 1 § 96 УК Германии), подготовка к подделке денег или знаков оплаты (§ 149 УК Германии) и др.

Также уголовное право Германии, аналогично Уголовному кодексу Польши и Швейцарии, различает негодное покушение (на негодный объект и с негодными средствами), которое регламентировано в ч. 3 § 23 Уголовного кодекса Германии: «Если лицо, в силу очевидного непонимания, не сознает, что покушение либо из-за вида объекта, на который покушение направлено, либо из-за средств, с помощью которых деяние должно было осуществиться, вообще не могло привести к окончанию деяния, то суд может отказать от наказания или смягчить наказание по своему усмотрению» [7, с. 257].

В уголовном праве Франции выделяют несколько видов неоконченного деяния: покушение на преступное деяние (*infraction tente*), несостоявшееся преступное деяние (*infraction manque*) и невозможное преступное деяние (*infraction impossible*).

Ответственность за простое намерение совершить преступление и приготовление (*actes preparatoires*) к преступлению, то есть совершение подготовительных действий, как правило, не наступает. Ис-

ключение составляют некоторые наиболее тяжкие деяния, непосредственно указанные в диспозициях статей Особенной части Уголовного кодекса Франции. Так, ст. 450-1 Уголовного кодекса Франции устанавливает ответственность за объединение преступников («организация злоумышленников»), которое представляет собой любую сформированную группу либо сговор, с целью подготовки преступления. Статья 412-2 Уголовного кодекса Франции (посягательство на республиканские институты государственной власти или целостность национальной территории) содержит норму, в соответствии с которой заговор определяется, как принятое несколькими лицами решение совершить посягательство, если это решение конкретизировано хотя бы одним действием.

Таким образом, во Франции существует институт, сходный с институтом сговора в англо-американском праве. Необходимо отметить, что институт сговора, традиционно существующий в англо-американском праве, тем самым предусмотрен ныне и в некоторых странах континентальной системы права (Франция, Испания и др.). Но в этих странах, как мы уже отмечали, сговор наказуем лишь в случае, когда виновные приступают к осуществлению своего замысла (в Англии и США он предусматривает наказание как за оконченное преступление в случае, когда двое или более лиц договариваются между собой совершить преступление даже сравнительно небольшой тяжести, а порою и просто противоправное действие).

Также предусмотрена уголовная ответственность (схожая с подстрекательством в англо-американском праве) за неудавшееся подстрекательство к совершению некоторых политических преступлений: измены, шпионажа, сдачи всей или части национальной территории, саботажа и некоторых других (ст. 411-11 Уголовного кодекса Франции). Подстрекательство, которое привело к своему результату, рассматривается как вид соучастия по ч. 2 ст. 121-7 Уголовного кодекса Франции.

Покушение на преступное деяние (*la tentative*) определяется в теории француз-

ского уголовного права как начало исполнения преступного деяния при отсутствии добровольного отказа и характеризуется двумя элементами: непосредственным началом исполнения преступления; недоведением преступления до конца по причинам, не зависящим от воли виновного (ст. 121-5 УК Франции) [10, с. 75].

Всякое покушение, отвечающее вышеперечисленным условиям, рассматривается французским уголовным правом как само преступление. Это относится и к покушениям на проступки, указанные в уголовном законе. Следовательно, исполнитель покушения подлежит таким же наказаниям, что и исполнитель оконченного преступления или проступка.

Но во французском уголовном праве, как указывалось выше, выделяют несколько видов неоконченного деяния: покушение на преступное деяние (*infraction tente*), несостоявшееся преступное деяние (*infraction manquee*) и невозможное преступное деяние (*infraction impossible*).

Несостоявшееся преступное деяние имеет место тогда, когда исполнитель сделал все, что было необходимо для совершения преступного деяния, но не достиг своей цели по оплошности или в силу любой другой подобной причины, тогда как искомая цель была реальна. Французские правоведы специально выделяют такой вид неоконченного деяния, поскольку считают, что это нечто большее, чем просто покушение на преступление, так как исполнитель совершил все действия, зависящие от него, и при этом не отказался добровольно от их совершения, не был остановлен какими-либо внешними силами (полицией, свидетелями и т. п.). Следовательно, есть основания для утверждения, что лицо имело намерение совершить преступное деяние и решимость довести его до конца. Однако это нечто меньшее, чем оконченный деликт, поскольку вредные последствия не наступили и уже не наступят.

Невозможное преступное деяние – это деликт, который был изначально неосуществим в силу ущербности предмета посягательства, используемых средств или способов совершения преступления, о чем

исполнителю не было известно: «убийство» умершего человека, «аборт» небеременной женщине, «отравление» при помощи нетоксичных веществ, выстрел из незаряженного ружья. При этом искомые последствия были объективно невозможны.

В течение долгого времени теория и судебная практика не могли однозначно ответить на вопрос: следует ли наказывать такие деяния и каким должен быть размер наказания.

В настоящее время судебная практика Франции отождествляет невозможные преступные деяния с покушениями на преступление, без какого-то ни было различия между «невозможностями».

Новый Уголовный кодекс Испании 1996 г. отличается от большинства Уголовных кодексов стран дальнего зарубежья тем, что в него включен основной массив уголовно-правовых запретов.

В системе Уголовного кодекса Испании установлена ответственность за сговор, подстрекательство и провоцирование преступления, но только в случаях, когда речь идет о некоторых преступлениях, перечисленных в Особенной части Уголовного кодекса, а именно, о преступлениях против жизни (ст. 141 УК Испании), о незаконном лишении свободы (ст. 163 УК Испании) и о мятеже (ст. 477 УК Испании). Сам сговор наказуем лишь в случае, когда виновные приступают к осуществлению своего замысла (также как и в УК Франции).

Уголовная ответственность по испанскому законодательству наступает за оконченное преступление и за покушение на преступление. Кроме указанных видов преступной деятельности испанский законодатель различает также проступки, которые «наказываются только тогда, когда они были окончены, за исключением покушений на преступления против личности и имущества» [11, с. 15].

Назначение наказания за покушение на преступление по уголовному законодательству Испании осуществляется следующим образом: «покушение на преступление наказывается ниже на одну или две степени, чем предусмотрено за совершение этого преступления, в адекватном размере, учитывая опасность правонарушителя, на-

правленность умысла и степень завершенности деяния» (ст. 62 УК Испании). На наш взгляд, приведенная статья представляет собой образец полноты, логичности и лаконичности позиции законодателя.

Еще одной особенностью Уголовного кодекса Испании представляется отсутствие в законе института приготовления к преступлению. Лишь в ст. 17 и ст. 18 Уголовного кодекса Испании говорится о сговоре, предложении совершить преступление и провокации, которые наказываются лишь в случаях специально предусмотренных законом.

В целом Уголовный кодекс Испании производит впечатление технически совершенного, логически последовательного, содержательного законодательного акта, что, по всей видимости, объясняется богатой историей испанского законодательства, насчитывающего несколько столетий.

Как известно, главной функцией науки является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности, составляющих предмет ее изучения. С этой точки зрения, мы провели сравнительный анализ уголовных законодательств выбранных зарубежных стран с целью выявить различного рода нюансы в законодательном регулировании института неоконченного преступления, специфику и своеобразие категорий и дефиниций понятий «приготовление к преступлению» и «покушение на преступление», сравнить содержание, вкладываемое законодателями различных государств в указанные термины.

В заключение считаем необходимым сделать такие выводы: 1) страны с прецедентной и смешанной правовой системой во многом предоставляют решать вопросы назначения наказания за неоконченные преступления непосредственно судьям; 2) приготовление к преступлению подлежит уголовной ответственности не во всех странах, а некоторые Уголовные кодексы как такового понятия приготовления к преступлению вообще не имеют; 3) покушение на преступление уголовно наказуемо, в большей или меньшей степени, практически во всех рассмотренных уголовно-правовых системах.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена компаративистскому исследованию особенностей уголовно-правовой регламентации назначения наказания за неоконченное преступление. Проанализированы положения уголовного законодательства Республики Польша, Швейцарской Конфедерации, Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединённых Штатов Америки, Федеративной Республики Германия, Французской Республики, Королевства Испания.

SUMMARY

Article is devoted to the comparative study of the singularities of criminal legal regulation of sentencing for an uncompleted crime. Analyzed the criminal provisions of the Republic of Poland, the Swiss Confederation, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, United States of America, Federal Republic of Germany, the French Republic, the Kingdom of Spain.

Литература

1. Безверхов А. Г., Жуков А. В. Теории наказания (в истории философской мысли): Учеб. пос. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2001. – 48 с.
2. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учеб. пос. / Под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. – М.: Омега-Л, Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова, 2003. – 576 с.
3. Кодексы Польши: Уголовный кодекс. Уголовно-процессуальный кодекс (выдержки). Уголовно-исполнительный кодекс. – М.: [б. и.], 1998. – 180 с.
4. Уголовный кодекс Швейцарии: Пер. с нем. – М.: Издательство «Зерцало», 2000. – 138 с.
5. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права. – М.: Юрид. лит., 1991. – 288 с.
6. Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): Учеб. пос. – М.: Зерцало, 1997. – 192 с.
7. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): Сборник законодательных материалов / Под ред. И. Д. Козочкина. – М.: Зерцало, 2001. – 352 с.
8. Уголовное право буржуазных стран. Общая часть. Сборник законодательных актов / Под ред. А. И. Игнатова и И. Д. Козочкина. – М.: Изд-во УДН, 1990. – 312 с.
9. Уголовный кодекс ФРГ. – М.: Зерцало, 2000. – 208 с.
10. Малиновский А. А. Уголовное право зарубежных государств. – М.: Новый юрист, 1998. – 128 с.
11. Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Ф. М. Решетникова. – М.: Изд-во Зерцало, 1998. – 218 с.